

Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам Казанского миссионерского съезда священномученик Гурий (Степанов)

Калмыки, перекочевав в Россию, с самых уже первых пор своего существования здесь стали входить в сношение с донскими казаками, а затем, когда стали кочевать на правом берегу Волги, то начали близко подходить к Дону, и, наконец, совсем переселяться на Дон отдельными партиями. Так, в 1642 году донские казаки, услышав о переходе в каспийские степи могучего воинственного народа и о завоевании им татарских племен, отправили к ним посольство с предложением союза против крымских татар. Это и было началом сношения калмыков с донскими казаками. В 1648 г. калмыцкий отряд, переправившись через Дон, является под городом Черкасском в поисках татар. С этого времени начинается ряд договоров и присяг между донскими казаками и вождями калмыков, причем эти договоры сменяются таким же рядом измен и коварной политикой со стороны калмыков. Заключая союзы оборонительные и наступательные с казаками, давая им присяги на подданство Белому царю, калмыки в то же время часто вели тайные сношения с крымскими ханами и даже турецким султаном и никогда не упускали случая пограбить донских казаков, а в 1668 г. далее разорили один казацкий городок на реке Хопре.

Во второй половине 17-го столетия, когда среди калмыков деспотически властвовал хан Аюка, достигнув апогея своего величия и власти, некоторые калмыцкие владельцы, почему-либо не поладив с этим не любившим непокорности ханом, стали удаляться на Дон для постоянного жительства и просились в казацкое сословие. В то время на Дон бежали вообще все недовольные Аюкой и преследуемые им. Так, в 1686 г. на Дон пришло до 200 калмыцких семейств, которые и были приняты в казацье сословие. В 1690 г. на Дон явились некоторые тайши со своими улусами и также были приняты в казацье сословие с правом кочевать между Доном и Донцом. Аюка, недовольный уменьшением своих подданных, принимал различные меры для возвращения ушедших калмыков обратно в Астраханские степи. Этого он достигал или оружием или через нападение и насильственный увод, или уговором к возвращению ушедших вождей, или наконец, докучливыми ходатайствами о

возвращении бежавших на Дон калмыков пред русским правительством и официальными договорами с ним. Из исторических документов мы знаем, что русское правительство обязывалось по некоторым договорам действительно возвращать с Дона беглых калмыков.

Но, несмотря на старания Аюки и его преемников предотвратить побеги на Дон, этого сделать не удавалось. Привольные донские степи, свобода и независимость от сторонней власти всегда манили сюда всех недовольных и побуждали их делать побеги при всяком случае стеснений и притязаний от хана или других влиятельных лиц.

Русское правительство сочувствовало переходу калмыков на Дон, так как благодаря этому увеличивались казачьи донские силы, ослаблялась через раздробление между владельцами мощь калмыцких ханов. В 1694 году оно в этих видах определило даже особое жалованье калмыкам, несущим казачью службу, по 500 рублей в год. Поэтому всем, желавшим уйти на Дон, было сделать это не только легко, но даже и заманчиво.

В 1701 г. на Дон уходил Дербетовский владелец Монко Темир, затем скоро возвратился обратно, а в 1723 г. уходил на Дон его сын Четырь и к нему в 1725 г. выпросили позволение уйти некоторые зайсанги, восставшие во время междоусобиц за ханский престол на своих владельцев и желавшие перевести их¹. Тогда на Дону набралось до 14 тыс. кибиток, значительную часть которых принудил потом вернуться обратно калмыцкий хан Дундук-Омбо.

И в дальнейшее время жизнь калмыков на Дону подвергалась частым колебаниям. Так, в 1736 году, чтобы положить конец всем жалобам и ходатайствам калмыцких ханов относительно донских калмыков, русское правительство распорядилось оставить всех донских калмыков при Донском казачьем войске, но в 1753 г., снисходя к ходатайству хана Дундук-Даши, постановило выслать с Дону всех калмыков, пришедших туда после 1736 года, вследствие чего и было возвращено до 366 кибиток².

Наконец, в 1788 г. на Дон перекочевала, сначала не допущенная, но в 1798 году получившая разрешение на перекочевку большая орда Дербетовских калмыков свыше 3700 кибиток, которая, однако, не вынесши нового административного строя жизни, введенного среди калмыков, в 1800 году, снова откочевала в пределы Астр. губ. В то время оставшихся прежних калмыков-казаков (1801 г.) считалось свыше 2250 человек муж. пола. В 1803 г. к ним были причислены Белевские (на р. Самаре, впад. в Днепр) калмыки, служившие в Ростовском казачьем войске (406 м. пола, из них 79 христиане) и Чугуевские калмыки².

Так как калмыки, поселившись в донских степях, долго не

переставали беспокоить тамошних жителей своими грабежами и разбойническими выходками, то русская местная административная власть путем различных административных мер, всячески пыталась поставить калмыков в невозможность дальнейших своеволий и беспокойств местного населения.

Этими мерами калмыкам первоначально были указаны более определенные места для кочевки, затем введено административное деление на улусы (верхний, средний, нижний), улусов на сотни (до 13 под управлением сотников), сотен на хотоны.

Когда в начале 19-го ст. три владельческих потомка ноиона, имевшие верховное управление над калмыками и от себя сносившиеся с русскими властями по делам калмыцкого народа, недовольные нововведениями, оставили донских калмыков и ушли к дербетам, – то русское правительство приставило к управлению калмыками своих чиновников и административными мерами окончательно поставило калмыков в определенные рамки жизни, при которых они лишились возможности быть так вредными для местного населения, как были вредны раньше.

По статистическим Донского Областного комитета данным за 1908 г., калмыков насчитывается 30872 души, в том числе муж. пола 16175 и жен. 14697 душ.

Калмыки обитают в степях, прилегающих к Астраханской губернии, в юго-восточной части Сальского округа Области Войска Донского и только незначительная часть их (449 душ обоего пола) проживает в 1 и 2 донских округах.

Занимая площадь земли в 575462 дес. (в том числе удобной земли 545588 дес.) калмыки главным образом живут скотоводством и отдачею земли в аренду временным русским поселенцам. Оторванные от места своей родины и переходящие с одного места на другое, в зависимости от местонахождения арендуемых земель, русские поселенцы в большинстве случаев представляют неблагонадежный элемент. – Вдали от церкви, среди чуждого им инородческого элемента проникнутый духом наживы и эксплуатации, русский элемент дает калмыкам не весьма добрый образец русской христианской культуры. Судя по количеству удобной земли, какой на каждого калмыка падает по 33,75 дес., среди калмыков должно бы было успешно процветать земледелие. Но на деле этого нет. Земледелие к калмыкам прививается очень медленно. Только незначительная часть их, не более 10–15%, занимаемся хлебопашеством. Остальные же свои фактические наделы, в количестве 15 дес. на мужскую душу, отдают в аренду при посредстве кулаков-торговцев русским

поселенцам. Непривычка к земледельческому труду, природная лень, апатия и невежество главные враги благосостояния калмыков, почему среди них замечается прогрессирующее обеднение. Впрочем калмыцкие общества, в распоряжении которых находятся все, оставшиеся сверх личных по 15 дес. на душу наделов, запасные земли, эксплуатируемые путем отдачи в аренду, располагают значительными запасными капиталами. Образ жизни калмыки ведут оседлый, но живут крайне грязно и нечистоплотно. Дома их, устроенные по образцу русских (саманных) построек, поражают своим антигигиеническим состоянием, и это немудрено ибо вместе с хозяевами часто помещаются и домашние животные. Если бы калмыки не покидали летом своих домов и не проводили все время на свежем воздухе, что они неизменно делают по старой привычке к кочевому образу жизни, то они несомненно были бы обречены на постепенное вымирание. Но среди калмыков заметен, хотя и незначительный, прирост населения. В 1908 г. рождаемость среди калмыков выразилась цифрой в 997 душ, и смертность 673, следовательно, перевес рождаемости над смертностью составляет 324 души.

С 1 сентября 1891 г. калмыки получили гражданско-бытовое устройство по образцу казаков Области Войска Донского и сравнены с последними во всех своих правах. Их прежние сотни и улусы переименованы были в станицы и хутора и сами они получили название казаков, каковым званием калмыки гордятся и дорожат. В настоящее время они живут в 12 станицах: Батлаевской, Бурульской, Власовской, Граббевской, Денисовой, Иловайской, Кутенниковской, Ново-Алексеевской, Потаповской, Платовской, Чунусовской и Эркетинской и в принадлежащих к сим станицам хуторах: Беляевском, Садовском, Терновском, Атаманском, Каменском, Потаповском и Эльмотанском и т. д.

С введением казачьего устройства, им предоставлено право выборного самоуправления: атаманы, помощники их, почетные станичные судьи и другие должностные лица избираются калмыками из своей среды. Военскую повинность они несут на одинаковых с донскими казаками правах и условиях, причем, благодаря вышеупомянутому громадному запасу земель (на каждого калмыка падает удобной земли 33,75 дес., а в пай ему выдается только 15 дес.), эксплуатируемых станичным обществом путем сдачи в аренду, военное снаряжение казаков из калмыков лошадь, оружием, одеждою и прочей амуницией производится на счет станичных сумм, а не на счет каждого казака, как это делается у донцев русских. Устроив калмыков по образцу русских казаков, законодатель имел в виду

приучить их к оседлой земледельческой жизни. С этой же целью, уже самими станичными обществами были составлены утвержденные войсковой администрацией приговоры о том, чтобы калмыки свои душевые наделы, или так называемые пай, ни в каком случае не сдавали в аренду, но это благодетельное постановление обратилось на практике в грубую эксплуатацию калмыков и средство наживы перекупщиков в ущерб русским поселенцам. Не имея права сдавать свои пай в аренду непосредственно лицам, обрабатывающим землю, калмыки прибегают к посредству своих сородичей-богачей и русских торговцев, коим и продают свои пай якобы за долг или под товар за 2–3 руб. за десятину, обеспечивая покупателя обратным векселем на двойную или тройную сумму. Перекупщики же эту землю сдают в аренду русским поселенцам за 10–12 руб. за десятину. Народное образование среди калмыков сосредоточено в ведении министерства народного просвещения. Всех приходских калмыцких школ насчитывается: одноклассных станичных 10, одноклассных хуторских 14 и начальных женских сельских 6. Учителями в них состоят в 1 отделении из калмыков, окончивших курс в Великокняжеском 4-х классном городском училище, а в старших отделениях русские учителя или учительницы. Учащихся в мужских училищах бывает от 20 до 40, а в женских от 10 до 20. Калмыки с неохотою отдают своих детей в школы и редкие из них идут дальше 4-х классного городского училища, хотя бывают случаи, что некоторые из калмыков поступают в гимназии и дальше. В общем, по отзывам компетентных лиц, замечается, что калмыки с трудом выдерживают курс обучения не только в средних и высших учебных заведениях, но и в низших. Обучавшиеся в начальных школах приобретают только одну первоначальную грамотность, научаются говорить по-русски и то очень плохо. А на общее их развитие, в смысле привития к ним русской культуры, школа оказывает очень мало влияния. Научившись в школе первоначальной грамоте, калмыки, по выходе из школы, иногда совершенно разучиваются: так засасывает их среда. В лучших случаях грамотность помогает им исполнять обязанности должностных по станичным выборам лиц и только. Просвещения в свою среду они не несут. Поставленная таким образом школа для калмыков не исполняет своей прямой задачи: сближать инородческое население с русским, внося в него начала обрусения. Чтобы школы могли служить началом обрусения, для этого необходимо калмыцкие школы сделать доступными для детей русских. А это возможно с осуществлением имеющегося проекта переселять в калмыцкие станицы русских казаков и ввести в школе

преподавание Закона Божия. Правда, и теперь в некоторых калмыцких школах обучаются дети русских, но ввиду того, что их незначительный элемент и ввиду того, что они не обучаются в этой школе Закону Божию, они и не могут способствовать приобщению к христианской культуре и обрусению своих товарищей калмыков. Что же касается миссионерского значения школы, то она решительно ничего не дает в этом отношении, так как Закон Божий в этих школах не преподается. Все калмыки исповедуют ламаизм и своей вере очень преданы, хотя и мало ее знают, исполняя только обрядовую сторону. Духовными их руководителями являются так называемые бакши. Бакшею донских калмыков состоит в настоящее время Менько Бакорович Барманжинов, пользующихся большим авторитетом среди калмыков и почитаемый ими за святого. Должность бакши для донских калмыков создана администрацией искусственно, в видах отвлечения калмыков от Тибета и избавления их от Тибетских духовных эксплуататоров, хотя, нужно сказать, связь донских калмыков с Тибетом и доселе еще не прекратилась. По временам оттуда являются выходцы, принимаемые калмыками с большим почетом. Недавно, года три-четыре тому назад, среди них были два выходца из Тибета, собравшие громадные средства среди калмыков. Бакша является объединителем калмыков не только в религиозном, но и в национальном отношении. Особенно возвысилось значение бакши в последнее время, когда избранный на эту должность стал утверждаться Высочайшей властью, а не властью, как было прежде, Войскового Наказного Атамана, который мог и сменить и даже подвергнуть наказанию бакшу. В каждой станице и больших хуторах имеются так называемые хурулы, это здания вроде наших монастырей. Хурулы блещут богатым убранством и калмыки не щадят средств на их украшение, золото и серебро здесь во изобилии. При каждом хуруле положен штат духовенства, избавленного от воинской повинности, 12 духовных лиц разного наименования. Во главе каждого хурула стоит старший гелюн, всего таких 13, затем идут младшие гелюны и манджики. При хурулах стоят дома для гелюнов и манджиков. Освобождение духовных лиц от воинской повинности ведет к тому, что многие зачисляются в духовные, чтобы избавиться от повинности. Закон о штатах обходится путем образования заштатного духовенства. Администрация в этом отношении мало обращает внимания, утверждая беспрепятственно на место вышедших за штат все новых лиц. Помимо сего духовное звание у калмыков пользуется почетом и каждый калмык стремится старшего сына своего посвятить хурульной жизни, отдавая его в манджики, – первая степень жреческого служения.

Прежде калмыцкое духовенство пользовалось громадным значением у калмыков, каждое слово гелюна имело силу закона. Ныне замечается упадок почтения и уважения к своему духовенству, благодаря его распущенности и беззастенчивой эксплуатации темного народа. Духовенство калмыцкое в общем нужно назвать невежественным. „Не говоря уже о простецах, но и гелюны слабо понимают смысл исповедуемой ими религии. Заметно, что калмыки уже выдерживали попытки к воздействию на них христиан. „У нас много богов, говорят они, у нас есть Троица, как и у вас“. Общее впечатление от религиозного состояния калмыков таково. Рядовые калмыки традиционно равнодушны к религии, но весьма суеверны и боятся как своих „бурханов“, так и их служителей.

Гелюны пользуются последним и иногда прямо обирают простолюдинов. Эксплуатация одних другими, темнота и суеверия массы – вот общие черты местного ламаизма. Гелюн в любое время может взять облюбованную им часть имущества калмыка, уверяя последнего, что того требует кто либо из богов.

Представители высшего ламайского духовенства периодически делают наезды в земли калмыков и тоже обирают их. Многочисленное калмыцкое духовенство всеми силами в своих интересах старается удержать калмыков во тьме невежества и является главным тормозом в деле духовно-нравственного просвещения калмыков, поддерживая в них дух исключительного национализма и преданности ламайской вере. Отсюда понятно и то, почему среди калмыков нет почти обращений в православную веру. Если таковые и бывают, то они носят характер случайности»³.

Что касается вообще внутренней жизни донских калмыков, их обычаев и нравов, степени умственного и нравственного развития, доступности и подготовленности их к принятию христианства, то здесь в существенных и главных чертах мы наблюдаем сходство донских калмыков с астраханскими и ставропольскими, как частями одного народа, объединенного между собой общностью жизни, языка и религии. Мы видим здесь также стремление к сохранению национальности и боязнь слияния с русскими. Отсюда- крайне трудно и неохотно совершаемый и медленно осуществляемый переход от национального быта к быту лучшему и культурному. Отсюда – желание удержать свои обычаи и нравы – довольствование тем малым, что дает степь и отсутствие желания самой потребности в большем, отсутствие не удовлетворенности своим бытом, своей жизнью, способное побудить человека к изменению условий своей

жизни. Отсюда – привязанность к национальной религии, в которой хотя рядовые калмыки и мало что понимают по отсутствию средств к ознакомлению с истинами религиозного учения, – но тем не менее благоговеют пред духовенством – носителями религиозного сознания, пред номами, т.е. свящ. книгами, написанными на тибетском языке и частью в переводах на мало доступном пониманию калмыцком (язык подстрочных переводов), пред хурулами, наполненными изображениями бурханов, которых не только простой мирянин, калмык, но и редкий гелюн может назвать всех по именам.

Все это дорого народу, потому что он веками сжился с этим, его быт и религия – плоть и кровь его.

Поэтому христианству весьма не легко прорвать преграду национальности и это тем труднее, что для калмыка в его сознании с принятием христианства соединяется разрыв со всем родным национальным, со всем строем прежнего быта. Для него принять христианство – значит сделаться русским и перестать быть калмыком. Кто виноват в таких взглядах калмыков на православную веру, как неизбежно лишаящую национальности, всего родного и дорогого в национальном быте, как неизбежно играющую роль почти исключительно руссификаторскую, мы не беремся судить. Быть может здесь – осадки наследия гнезда Петрова, когда вера Христова среди калмыков впервые начала усиленно распространяться не столько ради истинности ее самой и заповеди Христовой, сколько ради обрусения калмыков и слияния их с русскими. Быть может, этот взгляд, существовавший долго после, едва ли исчезнувший и ныне, чувствуется национальной душой народа, встает как преграда к вере Христовой в сознании его и отвращает от православия народные массы.

Но донские калмыки, будучи со всех сторон окруженными русскими находясь в постоянных частых сношениях с русским населением, испытывая заботы о себе войскового начальства в отношении образования и поднятия умственного уровня, вследствие этого подвергались большей степени культурного влияния, чем калмыки астраханские и ставропольские.

Так донские калмыки имеют гораздо большее количество людей образованных, учившихся и учащих в школах, среди них большее количество лиц, живущих нормальной жизнью культурного человека и занимающихся культурным хозяйством.

Благодаря этому, совершается хотя и медленный подъем умственного уровня народа. Совокупно же с ним неизбежно должен происходить в

сознании лиц умственно развитых вместе с предпочтением национального быта культурному оседлому русскому быту и подрыв национальных верований. Душа так или иначе должна пробудиться к религиозной жизни, почувствовать потребность в религии, в более ясной и известной, возжелать порывов к живому Богу, чувствований святых, глубоких и чистых.

Ламаизм не может идти навстречу проснувшейся потребности и жажде Бога, так как сам не имеет Бога, а только обоготворенных людей; не может удовлетворить и ищущего религиозного познания ума, так как не имеет выдерживающей даже слабый анализ мысли, догматики и этики религиозного учения.

Присоедините к этому невысокий нравственный уровень ламайского духовенства, сознание (уже и теперь в значительной мере фактически существующее), что этот класс лежит тяжелым материальным бременем на плечах народа, и вам станет понятным, каким громадным шансом для распространения христианства среди калмыков вообще и донских в частности может служить развитие среди них образования и поднятие умственного уровня их жизни. Поскольку же донские калмыки в отношении своего умственного уровня стоят выше прочих калмыков Астраханских и Ставропольских, постольку они могут быть ближе к воздействию на них православной веры.

Но чтобы это воздействие могло быть действительно осуществимым нужны, разумеется, люди, способные оказать его, нужно и образование, не отталкивающее от Бога, а влекущее и возбуждающее жажду к Нему и общению с Ним, т.е. нужны соответствующие миссионеры и учителя.

Христианство среди донских калмыков стало распространяться с очень ранних времен. Так известно, что в 1696 г. Аюка отпустил на Дон под Азов 3000 кибиток, т. е. до 10000 человек для охраны пограничной линии и для борьбы с азовцами. Эти калмыки обратно не вернулись, стали кочевать у Новочеркаска, где часть их крестилась.

В 1698 г. посылался в Черкасск столпник Василий Давыдов для отдачи беглых, живших на Дону и в Азове калмыков Аюке, причем, ему было предписано отдать всех беглых калмыков кроме крещеных, которые живут в Черкасске и иных казацких городках⁴.

Из дела Якима (Обьяка) Юрьева, бежавшего с Дону в Симбирск, видно, что он сам был крещен на Дону между 1696–1738 г., где было не мало других крещеных калмыков⁵.

Далее русское правительство местами сосредоточения для крещеных в разных местах калмыков избирало места, близкие к Дону, как, напри-

Чугуев, или же прямо отсылало крещеных на Дон. Таким образом, христианство

среди донских калмыков стало распространяться вместе с поселением их в тамошних местах.

Но большая часть крещеных, предоставленная самим себе, не имея над собой надзора со стороны православных священников и не слыша христианского нравоучения, обычно снова возвращалась в прежнее состояние, забывала христианство и сливалась с народной массой в ламаизм.

Это явление наблюдалось даже и в сравнительно позднейшее время. Так из 406 душ муж. пола Беляевских калмыков, причисленных к Донскому войску в 1803 году, 76 человек христиан по перехода на Дон, войдя в среду ламаитов, совершенно слились с ними и забыли христианство⁶.

Как распространялось христианство среди донских калмыков в 18-ом веке, какими мерами оно упрочивалось – мы не имеем сведений.

Более интенсивные заботы духовной и светской власти в отношении распространения христианства среди калмыков начинают проявляться со второй половины 19-го ст., преимущественно с 70-х годов, когда под влиянием открытого в Москве православного миссионерского общества на всех вообще окраинах России были приняты меры к организации и развитию миссионерской деятельности среди инородцев.

Хотя в 1871-м году и в Донской епархии был открыт Миссионерский Комитет, но с открытием его еще не сразу началась миссионерская деятельность среди калмыков. Только в 1880 г. мы видим более или менее серьезные заботы о духовном просвещении калмыков.

Комитет задается целью воздействовать на калмыков путем воспитания калмыцких мальчиков. Он открывает для калмыков приют, надеясь воспитать в нем проводников христианства в народе. Но здесь, как и в Астрахани при устройстве подобных заведений, в приют оказалось трудно найти желающих поступить. Калмыки сторонились его и боялись отдавать своих детей.

В 1885 году в приюте воспитывалось и обучалось 5 мальчиков. Некоторые из них обнаруживали склонность к христианству, но другие, несмотря на прекрасные условия приютской жизни, рвались в степь, так что одного из воспитанников за дурное поведение пришлось даже удалить из приюта. Так как, несмотря на все усилия привлечь в приют калмыцких детей, желающих поступить в последующее время не оказывалось, то в 1887 г. было постановлено приют закрыть, а ученикам дать возможность

продолжать свое образование в других школах. Из них один, Чеминов, проучившись в учительской семинарии и приняв христианство, стал впоследствии священником и миссионерствовал среди калмыков. Подробнее начальная деятельность Миссионерского Комитета и история существования приюта представляется по материалам Съезда в следующем виде.

„21-го ноября 1871 года высокопреосвященнейшим Платоном, бывшим архиепископом Донским, был открыт в Донской епархии „Донской Комитет Православного Миссионерского Общества“ и вместе с сим было положено начало распространения света Евангельской проповеди среди населяющих область войска Донского калмыков, исповедующих ламаизм. Были и прежде, конечно, случаи обращения калмыков в православие, но случаи эти были единичные и носили характер случайности. Начало же правильно организованной миссии нужно относить ко времени открытия Комитета. Комитет, прекрасно понимая всю трудность предпринимаемого им святого дела и не имея ни средств, ни людей, пригодных на дело евангелизации, тем не менее, с самого же начала наметил широкую задачу своей предстоящей деятельности. В целях практического ознакомления с вероучением, обрядами, языком, образом жизни и характером калмыков и степенью их способности к усвоению гражданского быта и православной веры, Комитет летом 1872 года командировал в калмыцкие улусы преподавателя местной духовной семинарии А. Л. Крылова. Г. Крылов, уже практически знакомый с калмыцким языком, очень успешно исполнил возложенную на него миссию, результатом чего были напечатанные в Донских Епархиальных Ведомостях за 1873 год и вышедшие отдельными оттисками статьи под заглавием: „Поездка к калмыкам» и „Умственное и нравственное развитие Донских калмыков и особенности их быта». Статьи эти, и в настоящее время по своей жизненности не потерявшие своего значения, основательно знакомят читателя с нравами, религиозным мирозерцанием калмыков, приемами религиозных бесед с ними и показывают, что вполне можно надеяться на привитие русской гражданственности среди Донских калмыков.

В видах приготовления способных миссионеров из воспитанников Донской духовной семинарии, по мысли и желанно Комитета, открыт в ней Святейшим Синодом класс калмыцкого языка. Кафедра эта и до сих пор существует в семинарии и существование ее было не бесплодно.

Некоторые воспитанники семинарии поступали в Казанскую Академию, зачислялись на противоламайское миссионерское отделение. А

некоторые поступали на миссионерские при Духовной Академии курсы, например, иеромонах Иннокентий, ныне противоламайский миссионер в Ставропольской епархии.

Помимо сего, Комитет предложил при загородном архиерейском доме устроить общину для приготовления лиц, желающих посвятить себя миссионерскому служению, с приютом для новообращенных. Но это предложение Комитета было осуществлено впоследствии только отчасти открытием приюта в слободе Ильинке.

Как видно из предыдущего, Комитет ставил себе серьезные задачи в деле просвещения светом Христова учения инородцев Донского края и энергично принялся за осуществление их, но сделать ему, по независящим от него причинам, пришлось немного. Ввиду того, что правильно поставленная миссия кроме лиц, пригодных к ней, требует и значительных денежных средств, на изыскание этих средств и образование достаточного запаса капитала, из % которого могли бы быть содержимы все учреждения Донской миссии, было обращено преимущественное внимание Комитета в начале его открытия, причем Комитет исхлопотал себе у Совета Православного Миссионерского Общества право все собираемые им суммы, за исключением церковно-кружечного сбора, оставлять у себя для образования капитала на устройство миссии (отношение Совета Общества, от 21 мая 1872 г.). Благодаря этому, к 1880 году у Комитета образовался капитал в 22286 руб. 69 к., но в 1880 году Совет Православного Миссионерского Общества весь запасный капитал Комитета в сумме 14780 руб. 69³/₄ коп. потребовал перевести в Москву в его распоряжение и тем положил конец энергично и настойчиво проводимому Комитетом образованию запасного капитала. В заботах своих об образовании запасного капитала, Комитет не оставил и своей основной задачи положить прочное начало правильной миссии среди Донских калмыков. Более надежным и верным средством для сего было признано учреждение приюта для калмыцких детей. 21-го ноября 1880 года в слободе Ильинке, 2-го Донского округа, как ближайшем пункте к калмыцким кочевьям и где находилось приходское и окружное калмыцкие училища, был открыт приют для помещения в нем от 3 до 5 мальчиков. Задачей этого приюта было поставлено: дать образование принятым в оный мальчикам в приходском и окружном училищах и воспитать их в духе христианства, не обязывая в то же время принимать самого христианства, если они не изъявят на то своего желания.

Организация этого приюта была такова: во главе его состоял заведующий приютом из студентов или кончивших курс семинарии, в то

же время по соглашению с министерством народного просвещения, состоявший и законоучителем для русских детей в местном окружном училище с жалованием в 500 руб. в год.

Таковыми воспитателями за время существования приюта были: 1) студент Воронежской семинарии Александр Григорьев (с 21-го ноября 1880 по 13-е июля 1882 г.) поступивший затем в священники; 2) кончивший курс Воронежской семинарии Александр Говоров (с 13-го июля 1882 по 2-е октября 1884 г.), оставивший службу по болезни; 3) студент Воронежской духовной семинарии Владимир Простянский, умерший 17-го апреля 1886 года и 4) смотритель окружного училища, студент семинарии Козьма Игнатьевич Яковлев, служивший до закрытия приюта в 1884 году.

В помощь заведующему был дан переводчик из учеников-калмыков окружного училища Эрдэни Хахлымов Дакамбанов, 15 лет, с жалованием в год 100 рублей. Высшее же наблюдение за правильным ходом дела воспитания и расходом отпускаемых Комитетом денег было поручено судье калмыцкого правления, полковнику Н. И. Мошлыкину, а с 1-го сентября 1834 года смотрителю окружного училища К. И. Яковлеву. Все хозяйственные расходы производились на счет Комитета, причем на наем квартиры отпускалось 100 руб. в год, на отопление и освещение оной 60 руб., на наем прислуги 50 рублей, на содержание мальчиков пищей, одеждой и учебными принадлежностями по мере действительной потребности. В течение 10 лет на содержание приюта было израсходовано 11281 р. 60 к., в том числе: в 1880 г. – 326 р. 45 к., в 1881 г. – 447 р. 30 к., 1882 г. – 1511 р. 60 к., в 1883 г. – 1738 р. 82 к., в 1884 г. – 787 р. 92 к., в 1885 г. – 927 р. 72 к., в 1886 г. – 1193 р. 74 к., в 1837 г. – 1313 р. 22 к., в 1888 г. – 1363 р. 99 к. и в 1889 г. – 1125 р. 84 к.

Воспитание приютян носило характер приучения их к обычаям православных христиан, для чего им внушалось исполнять утренние и вечерние молитвы, соблюдать посты, посещать православную церковь и путем бесед они знакомились с рассказами из Библии и житий Святых.

В школе же они, наравне с русскими, проходили и Закон Божий. В повседневной жизни заботы воспитания клонились к тому, чтобы сделать их похожими на детей русской семьи и приучить их к дисциплине, чистоте и опрятности. Каникулами воспитанники приюта не пользовались и в кочевья к родственникам не отпускались, ибо горьким опытом было признано, что посещение родных парализовало приютское воспитание и изглаживало религиозно-нравственное христианское настроение.

Первыми калмыцкими мальчиками, принятыми в приют, были:

Асалдык Панчинов Чеминов, 8 лет, Бавуцка Бембинов Куберминов, 9 л., оба круглые сироты и Парамон Дондуков Хараманжинов, 9 л., у которого были мать и дед, и сверх того переводчик вышеупомянутый Эрдэни Хохлымов Докамбанов, 15 лет, очень бедного состояния, пробывший в приюте один год. Все они поступили в приют 21-го ноября 1880 года.

В 1881 году 5-го октября поступил еще калмыченочек – Бембе Донжуков Муконов, 7 лет, а 10 ноября 1883 года был принят Цыгоон Бембинов 8 лет, вышедший из приюта в мае 1884 года, по домашним обстоятельствам; в 1834 г. с 1 января по 12 мая проживал в приюте Дави Кельдииков, ушедший из приюта по болезни. Проживший в приюте 4,5 года Парамон Хараманжинов 6 октября 1885 года был уволен из приюта за весьма дурное нравственное направление, чрезвычайную лень в учении, дерзкое кощунственное отношение к православной вере и восстановление прочих воспитанников против православия, обнаружившихся в нем с тех пор, как он побывал во время каникул 1885 года на так называемом рукобитье, т. е. обряде выбора невесты для жениха (совершаемом у калмыков при наступлении мальчику 14-го года).

Все попытки Комитета в течение 5 лет увеличить количество приютов и заменить ушедших новыми не приводили к благоприятным результатам. Обращался Комитет за содействием и к гражданской местной власти и даже Наказному Атаману, – но все безуспешно. Калмыки с недоверием относились к приюту и детей своих не отдавали. С большим только трудом удалось смотрителю окружного училища К. И. Яковлеву найти в 1885 году для помещения в приют двух калмыцких мальчиков: Мигмера Конинова, 8 лет, имевшего бедного отца, пробывшего в приюте до 1888 года и Имомжу Басонова Абушинова, 7 л., круглого сироту. Первый поступил в мае, а второй в ноябре 1885 г. В 1886 году поступил в приют Санжа Авов Пудинов, 7 лет. Вот и все калмыцкие мальчики, поступившие в приют в течение 7 лет его существования. Немного их – всего 9, причем трое из них скоро оставили приют, не пожелав в нем жить, а один был уволен за нетерпимое поведение. В декабре 1887 года три приютских мальчика – Куберминов, Муконов и Чеминов окончили курс в окружном училище и два первые – с наградой 1-й степени.

Ввиду того, что число учеников приюта, несмотря на все старания и духовного и гражданского начальства, не увеличилось, а средства, как видно из вышеприведенных данных, тратились значительные, Комитет 9-го ноября 1887 года предложил упразднить приют, не оставляя в то же время своих забот о дальнейшей судьбе принятых в приют мальчиков. Трех старших мальчиков: Куберминова, Муканова и Чеминова

предложено было определить в Новочеркасскую учительскую семинарию, а двух младших Абдушинова и Пудикова – отдать на воспитание кому-либо из благонадежных лиц. Но это предложение Комитета пришлось окончательно привести в исполнение только 24 августа 1889 года, когда из трех старших мальчиков были определены двое – Муканов и Чеминов в учительскую семинарию, а третий Куберминов по болезни принять в сентябре писарем в Сальское окружное полицейское управление. Самый же приют, по журналу Комитета, от 24 августа 1889 года был упразднен.

Таким образом, не оправдались надежды Комитета на то, что основанный им приют со временем разрастется по количеству мальчиков, что калмыки с охотой будут отдавать в него своих детей и чрез них просвещение в христианском духе будет проникать в среду калмыков. В продолжение 9 лет в приют поступило всего 9 мальчиков и из них только 5 остались верными приюту.

Между тем средства на приют были затрачены очень значительные – 11281 руб. 60 коп., значит каждый из оставшихся верными приюту 5 мальчиков обошелся Комитету в 2256 руб. 32 коп.

По поступлении в учительскую семинарию Муканов и Чеминов были помещены комитетом на частную квартиру, под наблюдением воспитанника той же семинарии, с платой от комитета по 200 рублей в год за каждого, в дополнение назначенной им стипендии от войска. Пред поступлением эти мальчики, а равно и не поступивший в семинарию по болезни, хотя и сдавший удовлетворительно экзамен, Куберминов по распоряжению его высокопреосвященства, 17-го августа 1880 года были просвещены св. крещением в новочеркасской Николаевской церкви священником оной о. Василием Куфаевым, с наименованием Куберминова Николаем, Муканова – Павлом и Чеминова – Петром. Крещение этих трех воспитанников приюта было первым большим торжеством комитета, положившего немало средств и трудов на их воспитание. Труды комитета не пропали даром. Остальных двух младших мальчиков – Имомжу Абушинова, 11 л., и Сонжо Пудинова, 10,5 л., комитет поместил в станице Великокняжеской на квартиру у штатного смотрителя калмыцкого окружного училища К. И. Яковлева, на полном от него иждивении, с платою от комитета по 200 руб. за каждого, где эти мальчики пробыли до августа 1890 года, когда они были переведены в хутор Плетнева и определены в местную церковно-приходскую школу с меньшим окладом за их содержание. В 1891 году они были определены в Новочеркасское духовное училище. Комитет не раз поднимал вопрос о проведении нескольких калмыцких мальчиков чрез духовно-учебные заведения, для

приготовления из них лиц, годных для миссионерской деятельности между соплеменниками.

В 1891 году вопрос этот был решен в положительном смысле. Своих питомцев, обучавшихся в Плетневской церковной школе Санжо Пудинова и Имомжу Абушинова, имевших 12 лет от роду и круглых сирот, комитет поместил в Новочеркасское духовное училище, а Петр Чеминов, 17 лет, из учительской семинарии переведен в Донскую духовную семинарию с особого разрешения на то Святейшего Синода. При этом указом Святейшего Синода, от 12 июня 1891 года, имеющим и до сих пор руководительное значение, предложено было первых двух просветить св. крещением до достижения 14-летнего возраста и вместе с сим дозволено правлениям семинарии и училища и впредь принимать калмыцких детей в состав учащихся, если данный опыт окажется удачным, с применением к таким воспитанникам льгот, изложенных в синодальном определении 11 марта-5 апреля 1869 года. В исполнение сего синодального указа Пудинов и Абушинов 25-го августа 1891 года были крещены священником Александром Власовым в градо-Александровской церкви и названы первый – Александром и второй Николаем. Таким образом, все пять воспитанников принята были просвещены св. крещением. Содержание этих воспитанников в духовно-учебных заведениях комитет принял на себя и это свое обязательство исполнял до окончания ими курса.

На содержание Чеминова в год комитет отпускал от 200 до 260 рублей, а на содержание Пудинова и Абушинова около 500 рублей в год. По окончании в 1898 году курса в духовной семинарии Чеминов был командирован комитетом на миссионерские курсы в Казанскую духовную академию по монгольскому отделу. Содержался он на казенной стипендии, а на проезд ему комитетом дано было 130 рублей. По окончании курса он поступил 1 июня 1900 года учителем в Платовскую церковно-приходскую школу и помогал притчу Платовской церкви в миссионерской деятельности. В 1903 году был назначен миссионером противокалмыцким и рукоположен во священники при Платовской церкви сверх штата. В декабре 1906 года Чеминов был определен священником в один из приходов в русском поселении в Донецком округе, где и ныне состоит.

Абушинов и Пудинов – первый, по окончании курса в духовном училище, а второй, по выходе по болезни из 2-го класса духовной семинарии, были определены в 1897 году псаломщиками. Абушинов к церкви поселения Нижне-Тивричанского, где он состоял до ноября 1899 года, когда был определен штатным псаломщиком к церкви Платовской

станции, с поручением ему помогать местному священнику в деле миссии, при этой церкви он и ныне состоит.

Пудинов же был назначен псаломщиком к церкви при Каменной балке, в откомандированием в помощники учителю – миссионеру Левченко в церковно-приходскую школу на Гремучем колодце. В 1899 году был назначен вторым псаломщиком к церкви Платовской станции. В 1903 году был переведен псаломщиком к одной из церквей епархии в поселок Смосаревский, а в 1909 году Пудинов за грубое и дерзкое, соединенное с пьянством, поведение, был уволен из духовного звания.

Муканов, которому, как и Чеминову, было предложено перейти в духовную семинарию, от такого предложения упорно отказался и продолжал образование в учительской семинарии с получением ежегодного пособия от комитета по 200 рублей. По окончании курса в учительской семинарии поступил учителем в одно из окружных станичных училищ, где и ныне состоит учителем, трудясь не среди своих соплеменников, а среди русских. Что же касается пятого воспитанника приюта Николая Куберминова, то он, по определении его в 1884 году писарем в Сальское полицейское управление с жалованием по 10 рублей в месяц и с пособием от комитета по 7 рублей в месяц, каковое пособие получал до 1-го января 1890 года, в 1890 году, сдал экзамен на звание сельского учителя и согласился быть учителем в калмыцком приходском училище, но намерение его было прервано смертью его, последовавшей 22 июля 1891 года от злокачественной раны – и таким образом ему не пришлось послужить своим соплеменникам.

Естественно возникает вопрос, в чем же кроется причина неуспеха приюта. Ответ на это единственный, успеху приюта противодействовало несомненно калмыцкое духовенство, предостерегавшее калмыков от отдачи в него детей. Ярким доказательством этого служит пробывший в приюте 4,5 года Хараманжинов, который, побывав на рукобитье и среди своих сородичей, возвратился в приют враждебно настроенным против православия и свои чувства вражды старался привить и прочим приютянам, за что и был удален из приюта⁷.

Потерпев неудачу в своей идее воздействовать на калмыков путем воспитания калмыцких мальчиков, комитет задался, целью найти миссионеров и с помощью их организовать миссионерскую деятельность среди донских калмыков. В этих видах он обратился с просьбой к братству св. Гурия в Казани и Андреевскому в Ставрополе с просьбой указать нужных ему людей. Один из студентов монгольской группы Казанской академии вызвался, посетивши наперед во время летних каникул донские

степи и ознакомившись с разговорным языком и бытом калмыков, посвятить себя миссионерской деятельности среди них по окончании академического курса. Это был И. В. Попов.

Приглашая миссионера, комитет предполагал надлежащим образом устроить все нужное для организации миссионерского стана. В калмыцких кочевьях при Гремучем колодце проектировалось устроить часовню, помещение для приюта, соорудить походную церковь для новокрещенных, И. В. Попова назначить миссионером с окладом жалования препод. семинарий, а в помощь ему дать воспитанников приюта.

Данный проект Донского миссионерского комитета об организации миссионерской деятельности среди калмыков был весьма основателен по своему замыслу. Здесь миссия сразу ставилась на практическую почву, приобретала научную силу, способную к правильной постановке, не только благовестнического, но и школьного и переводческого дела. Миссионеру назначились в сотрудники природные калмыки хорошего воспитания и приличного образования. Таким образом, при наличности миссионерской ревности миссия разом могла встать на твердую почву и пустить глубокие корни в инородческую почву как благовестием на родном языке, так обучением по системе образования инородцев (Ильминский) и опытами религиозных переводов на калмыцкий язык. Ко всему этому состав миссии имел надлежащие силы, а комитет – материальные средства.

Но И. В. Попов, проживши летом в степях, отказался от миссионерской деятельности, ссылаясь на свою недостаточную подготовку, на большие различия между книжным и разговорным языком, и необходимость значительного времени для свободной ориентировки в живой речи калмыков (хотя ссылка на большое различие между книжным и разговорным языком нам не кажется особенно основательной, так как здесь все дело только в умении правильно, т. е. согласно произношению живой речи, читать калмыцкие слова).

Взамен себя И. В. предложил некоторые меры, могущие способствовать организации миссионерского дела среди калмыков: открытие при дух. семинарии самостоятельного класса калмыцкого языка с 2-х час. уроком в неделю в каждом классе; изучение ламайского вероучения с обличением его. Для обучения разговорному языку – введете должности практиканта. Семинаристов, хорошо знающих калмыцкий язык, определять учителями калмыцких школ с жалованием 600 р. в год и правами государственной службы. Таким образом, вместо практических идей комитета, предлагались чисто теоретически громоздкие меры

воспитания для будущей (а не настоящей) миссии будущих миссионеров. Настоящее же откладывалось на долгое время. Здесь, что всегда легко бывает в теории, автор проекта вступил в противоречие с самим собой. Он только что объявил недостаточной свою академическую специально-миссионерскую подготовку.

Как же можно было ему проектировать достаточность семинарской, во всяком случае уже частной, подготовки?

Дальнейшими его пожеланиями было: устройство в будущем церкви в степях, превосходящей благолепием ламайские хурулы. Причтом и певцами при ней должны быть учителя инородческих школ, которые на земских бесплатных подводах должны съезжаться из своих школ в церковь к праздникам.

Для привлечения калмыков в храмы И. В. Попов советовал по окончании богослужения делать угощение, по примеру хурулов, далее указывал на необходимость дать крещеным калмыкам льготы в отношении их быта и оказывать им помощь и заботливость со стороны гражданского начальства. Этот доклад И. В. Попова не остался совершенно бездейственным: было открыто несколько инородческих школ и улучшено преподавание калмыцкого языка в семинарии.

„Неудавшаяся попытка комитета в более или менее широких размерах поставить миссионерское дело среди калмыков привела комитет к мысли привлечь детей калмыков в более дешевые учреждения – церковно-приходские школы, обучаясь в которых наравне с русскими мальчиками, калмыки могли бы постепенно усвоить обычаи и образ жизни русских и начала православной веры.

В 1888 году в октябре месяце в хуторе Плетневе, находящемся в урочище калмыцких улусов, приходским священником Александром Власовым была открыта церковно-приходская школа, в которой в 1888–90 учебном году, в общем количестве 50 учеников, обучалось 16 мальчиков-калмычат из ближайших калмыцких местностей. В 1890–91 г. в школе этой училось уже 25 калмыков при общем числе 87 учеников, – в числе их были два воспитанника приюта – Санжо Пудинов и Имамжа Абушинов. В 1889–90 г. на содержание школы комитетом было отпущено 300 рублей, а в 1890–91 учебном году – 550 руб. Школа помещалась сначала в церковной сторожке, а затем в наемной квартире и, наконец, для нее предполагалось устроить особое здание; на это священник А. Власов испрашивал 1500 рублей, но школа просуществовала только до августа 1891 года, когда в нее не возвратилось ни одного калмыченка, безусловно, под влиянием ламайского калмыцкого духовенства, пугавшего родителей, что детей их

будут крестить насильно в православную веру. Отчасти и местные деятели были не склонны поддерживать начатое дело образования калмыков чрез церковно-приходские школы, требуя от комитета значительных средств, которых комитет дать не мог. Кроме того, в соседнем с калмыцкими же кочевьями хуторе Куудиновском, недалеко от хутора Плетнева, в школе грамоты училось в 1889–90 учебном году при 22 русских – 6 калмыцких, которые на следующий год были переведены в Плетневскую школу. В Плетневской школе были постоянно законоучитель и учитель, а в Куудиновском – учитель, коему комитет выдал 50 рублей в пособие. Все предметы, положенные в церковно-приходской школе, изучали без всякого исключения и калмыцкие мальчики, а именно, молитвы, Св. Историю, катихизис, церковно-славянское чтение и проч. и сверх того обучались молитвам на калмыцком языке. Обучались они и церковному пению и подчинялись всем порядкам и школьной дисциплине, участвуя и в молитве и в посещении храма Божия. Четверо из них кончили курс в школе с полным успехом в 1891 году, и на публичном акте двое получили в награду по книге и по картине каждый. Калмыцкие мальчики были все некрещеные. Законоучителем в Плетневской школе был диакон Антоний Зеленский. Такое сближение и совместное обучение калмыцких детей с русскими, к сожалению, продолжалось недолго: всего 2 года. Взамен этого приостановившегося в хуторе Плетневе развития миссионерства, комитет избрал другое средство для проведения начал христианства в среду калмыцкого народа. С преобразованием калмыцких сотен в станицы с 1 сентября 1891 г. в каждой станице должны быть открыты начальные народные школы.

В одной из таких станиц – Кутейниковской, при 4-й сотне среднего улуса, в местное калмыцкое приходское училище учителем был назначен 4-го сентября 1891 года, по ходатайству его высокопреосвященства, студент Донской духовной семинарии Михаил Кательников научно и практически знакомый с калмыцким языком.

Ему поручено было потрудиться на пользу миссии и в пособие к его содержанию было назначено комитетом 500 рублей в год. При всем старании Кательникова устроить школу и завести правильное обучение в ней калмыцких мальчиков, труды его не имели желаемого успеха. Помещение оказалось крайне тесным, мальчиков училось немного более 10. Он хлопотал настойчиво пред калмыцким обществом о постройке просторного дома для школы, но общество, во главе с своими властями, затормозило дело и Кательников, не желая даром получать пособие от комитета, отказался от дальнейшей своей деятельности и поступил на

приход в епархии священником.

Не имев успеха в Кутейникове, комитет хотел основать церковноприходскую школу в поселке Верхне-Себрякове, который находится в смежности, с калмыцкими поселениями и кочевьями. Но попытки его и здесь не увенчались успехом, ибо из здания старой церкви нельзя было построить удобного школьного здания, с помещением при ней приюта для калмычат, а содержат их на квартирах, при враждебном к ним отношении местного малороссийского населения, было весьма дорого. Ввиду этого и принимая во внимание, что с преобразованием калмыцких сотен должны устроиться в калмыцких поселениях (станицах) школы для калмыков со стороны министерства народного просвещения, комитет просил директора народных училищ определять в открываемые калмыцкие училища учителей доброй нравственности и церковно-христианского направления, с тем, чтобы таковые учителя незаметно и постепенно внушали калмыцким детям христианское вероучение, обещая, со своей стороны, таковым деятелям возможное пособие из своих средств. Но практически это пожелание комитета не осуществилось, хотя оно и могло бы быть легко осуществлено, если бы со стороны дирекции народного просвещения было не одно только желание содействовать этому делу, но и самым делом осуществленное содействие⁹.

Принимая меры христианского воздействия на калмыков через школу, комитет не оставлял своего стремления приобрести миссионера для калмыков и через него организовать миссионерскую деятельность в Донских калмыцких степях. Потерпев неудачу на И. В. Попове, он „в сентябре 1891 года отправляет на свои средства в Казанскую духовную академию, для поступления на двухгодичные миссионерские курсы, студента Донской духовной семинарии Иону Ив. Левченко. 21-го мая 1893 года, по окончании обучения, И. И. Левченко был определен комитетом в качестве исправляющего должность противокалмыцкого миссионера, с жалованием 800 руб. в год и с причислением его вторым псаломщиком к церкви станицы Великокняжеской. Комитет исхлопотал для него бесплатный билет для разъездов по селениям калмыков как для личного ознакомления с деятельностью калмыцкого духовенства, так и для выбора места под будущий миссионерский стан. Первый же отчет И. Левченко показал, что в лице его комитет приобрел живого и деятельного, преданного делу миссионера. Собранные им сведения о вредной эксплуатации и незаконной деятельности калмыцкого духовенства обратили на себя внимание гражданского начальства и им были приняты меры к возможному устранению замеченных миссионером

ненормальностей.

В 1894 году умер бакша калмыков Ахзкад Чубанов, г. Левченко просил комитет усиленно ходатайствовать пред наказным атаманом об упразднении должности бакши, как совершенно излишней для войсковой администрации по случаю преобразования калмыцких сотен в станицы, крайне обременительной в материальном отношении для калмыков и весьма вредной в миссионерском отношении. Но ходатайство это не было уважено и бакшею 21 мая 1894 года был утвержден гелюн Джембе Микулипов. Однако наказной атаман не встретил препятствий к тому, если духовное начальство само возбудит в высших сферах подобное ходатайство. Но его высокопреосвященство не признал возможным от себя возбудить такое ходатайство. В 1894 году Левченко заявил о своем желании принять монашество с рукоположением в сан иеромонаха и с утверждением в должности миссионера, но его желание, ввиду недостижения им 30 лет, не было уважено. С 1894 года Левченко, неустанно разъезжая по калмыцким кочевьям и зорко следя за деятельностью

калмыцкого духовенства, главное свое внимание обратил на дело постройки церкви на „Гремучем колодце». Как собирание средств, так и сама постройка во многом обязана энергии этого неугомимого человека. В 1896 году 14 сентября Левченко был переведен из Великокняжеской станицы в Платовскую станицу, где и был определен в открытую при строящейся на Гремучем колодце церкви приходскую школу, в помощь ему в 1897 году был дан воспитанник комитета Алексаидр Пудинов, который, как природный калмык и хорошо знающий русский язык, оказывал большую пользу г. Левченко при ведении им религиозных бесед с калмыками. В ноябре 1894 года г. Левченко был назначен псаломщиком при посольской церкви в Коре, куда отправился по приглашению архимандрита Хрисанфа (Щетковского), где и умер, уже состоя в монашестве. В том же 1894 году должность особого миссионера для калмыков была упразднена и обязанности миссионера были возложены на причт новоустроенной на средства комитета церкви при Гремучем колодце, священника Никандра Егорова, прослушавшего двухгодичные миссионерские в Казани курсы, и на состоящих при сей церкви двух псаломщиков – штатного Николая Абушинова и сверхштатного Александра Пудинова, с жалованием: о. Егорову 380 руб. в год, псаломщику Абушинову 244 руб. и псаломщику Пудинову 156 рублей. Причт прежде всего свое внимание обратил на проживающих в станице 50 семейств, а также и находящихся в окрестности русских поселенцев,

которые, живя вдали от церкви и среди калмыков, в религиозно-нравственном отношении ничем почти не отличались от последних. Постов не соблюдали, помногу лет не говели, проводили жизнь в незаконном сожителстве, содержали питейные тайные заведения и многие занимались воровством. Для поднятия их нравственности причт совершал частые богослужения с произношением проповедей, устраивал внебогослужебные беседы. Для последних на средства комитета был приобретен волшебный фонарь и картины. На ряду с этим причт совершал в 1899 и 1900 гг. поездки по хуторам для религиозных бесед с калмыками и на месте пользовался каждым случаем, чтобы завести с приходящими калмыками разговоры, привлекая их к чтениям, особенно с туманными картинами. Чтения эти велись как причтом, так и учителем Чеминовым (с 1-го июля 1900 г.), с переводом в некоторых случаях статей на калмыцкий язык. Сначала чтения посещались охотно и беседы велись непринужденно, но затем гелюны стали внушать народу, что с построением церкви их будут крестить, и запрещали вступать с причтом в разговоры, а сами отмалчивались или говорили: „все равно, один Бог, вера разная или: „в какой вере родились, в той и помирать надо, грешно менять веру». При этом миссионерами замечено: большим фанатизмом и нетерпимостью к православию отличаются, кроме духовенства, калмыки, более или менее образованные, обучавшиеся в окружных или в юнкерских училищах. Причт занимался переводом некоторых молитв на калмыцкий язык: „Христос Воскресе», „Спаси, Господи, люди Твоя», „Отче наш» и кроме того, эктеньи об оглашенных и святительского Евангелия». В переводе принимал живое участие престарелый калмык Гендин Нимберенов. Эти песнопения и Евангелие в присутствии бакши Кулюшова с гелюнами и калмыками 11 мая 1900 г. были исполнены в церкви в престольный праздник и произвели сильное впечатление на язычников. К причту поступали заявления о желании некоторых калмыков креститься, но эти желания не доводились до конца ввиду того, что положение крещеных крайне тяжело: их калмыцкие общества лишают земли, что случилось с крестившимся братом псаломщика Абушинова, ставшим безземельным казаком.

Возложение миссионерских обязанностей на причт Платовской церкви на опыте оказалось не соответствующим своей задаче. По многочисленности обязанностей, лежащих на о. Егорове, как приходском пастыре и законоучителе местной школы, он не имел возможности совершать поездки к калмыкам. Ввиду сего комитет в 1903 году вновь восстановил прикрытую вакансию противокалмыцкого миссионера и

назначил своего воспитанника учителя Петра Чеминова миссионером с посвящением его в сан священника к церкви в Платовской станице сверх штата и без права получения доходов, но с назначением ему жалования в 1200 рублей в год.

Ему поручено было как можно чаще совершать поездки к калмыкам, при бесплатном разезде по билету от войскового гражданского начальства. Для помещения миссионера в 1905 году на оставшиеся от постройки церкви более 2000 руб. выстроен дом. В этой должности Чеминов пробыл до 1 декабря 1906 года, когда был определен приходским священником к православной церкви в Донецком округе. Деятельность его состояла в посещении и в беседах с калмыками. Ощутительных результатов миссионерской деятельности Чеминова не оказалось, кроме того, что в 1905 году им просвещены св. крещением двое калмыков станицы Платовской – Дюнтеле Кушнарев, 26 лет, и Дамбо Алеронов.

В 1907 году миссионером противокалмыцким был определен окончивший курс в Донской духовной семинарии и прослушавший двухгодичные миссионерские курсы в Казанской академии иеромонах Иннокентий. Пробыл он миссионером всего два с небольшим года и перешел на миссионерскую службу в Ставропольскую епархию.

Миссионерскую деятельность за это время он проявил очень слабо и результатов ее не было видно.

С 1 сентября 1909 года должность миссионера состояла вакантной. В 1910 году осенью место миссионера было занято окончившим Миссионерские курсы в Казани О. В. Захоруком, но он вскоре помер и место снова оказалось вакантным.

Кроме, привлечения миссионеров, одним из важных дел комитета нужно считать дело постройки им церкви на так называемом „Гремучем колодце“, в центре селений калмыцких в Платовской станице, где живет калмыцкий бакша и где, по преданию, были с евангельской проповедью св. Кирилл и Мефодий, первосвятители словенские. Сооружение комитетом собственного величественного храма в калмыцкой земле дело в высшей степени важное – это видимое торжество православия над язычеством и оно было весьма необходимо как для торжества православия над язычеством, так и для благотворительного воздействия на самих калмыков в видах будущего обращения их в христианство. Постройка эта имела весьма важное воспитательное значение и для местного, в большинстве временного, русского населения, по своему характеру, религиозным воззрениям и нравам стоявшего, в большой своей массе, на низкой ступени религиозно-нравственного состояния и потому служившего соблазном и

дурным примером для язычников. Комитет прекрасно понимал все важное значение воодружения Креста Христова на земле, принадлежащей язычникам, и потому это дело поставил одной из своих главных задач еще в начале 80-х годов. Понимали это хорошо и калмыки, особенно духовный их представитель – бакша, и потому все меры принимали к тому, чтобы затормозить и, если возможно, совершенно не допускать постройки храма особенно в избранной комитетом местности, почитаемой калмыками священной. Но Господь помог комитету довести дело до конца и устранить все чинившиеся препятствия.

Переписка о построении храма началась в 1885 г. и окончилась в 1899 г., когда построен был храм. Правда, в начала велась речь о постройке часовни, но затем эта мысль была оставлена и решено было построить храм. На первых же порах встретилось непреодолимое противодействие со стороны бакши калмыков Чубинова, который отказался уступить принадлежащее калмыкам место под постройку храма при Гремучем колодце, так как это место находилось недалеко от главного хурула, где он жил, и предлагал отвести место в 20 верстах от почитаемого всеми калмыками „Гремучего колодца»; поэтому постройка храма отдалась до 1894 года, когда вопрос о построении храма на Гремучем колодце пошел уже более успешно, хотя и не без затруднений. Если бы в этом деле не принял личное живое участие архиепископ Афанасий и не имел на своей стороне личное сочувствие этому делу со стороны войскового наказного атамана, князя Н. И. Святополк-Мирского, то едва ли бы вопрос о постройке храма был решен удовлетворительно. Дело в том, что когда было выбрано и усмотрено особой комиссией место под постройку, отмечены участки земли для церковной площади, храма, причтовых домов и школы, то началось усиленное, явное и тайное, противодействие ламайского духовенства: – выбранные участки земли оказались застроенными строениями, принадлежащими частным лицам из калмыков и одному русскому и областное войсковое управление предложило комитету приобрести их по взаимному соглашению с владельцами. Комитет изъявил согласие уплатить за них по произведенной комитетом справедливой и нормальной оценке, но бакша калмыков, переведя эти участки на свое имя, запросил за два только, весьма важных для комитета, участка земли под № 121 и 122, стоящих по цене 199 руб., несообразную цену – сто тысяч рублей. Можно было полагать, что дело приобретения участков рухнет, но тут лично вступился в дело г. наказной атаман и бакша калмыков Микулинов переменял отношение к сему делу и, лично побывав в декабре 1895 года у высокопреосвященного, отказался от своих

претензий и обещал свое содействие к приобретению участков земли. В начале 1896 года дело было решено в пользу комитета: г. наказной атаман уведомил высокопреосвященного Афанасия двумя отзывами, что он сделал распоряжение об отводе под постройку храма при Гремучем колодце площади в 60*80 квадр. саж., именно 4 дворовых места под 121, 122, 103 и 104, из коих первых два места, за кои бакша хотел взять 100000 рублей, безвозмездно, а последние два – с выкупом находившихся на них построек, принадлежащих двум калмыкам, по добровольному с ними соглашению за 2,900 рублей, каковая сумма и была уплачена. Впоследствии пришлось уплатить еще 140 рублей за небольшие постройки, находящиеся на участках №№ 121 и 122. На укрепление купленных комитетом дворовых участков под № 103 и 104 было испрошено ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение, каковое и воспоследовало 29-го марта 1897 года.

Для необходимых распоряжений по постройке будущего храма составлено попечительство в станице Великокняжеской, под председательством окружного начальника Сальского округа, войскового старшины Вл. Ив. Лапина при казначее, священнике Вл. Проскурякове и делопроизводителе, псаломщике Левченко, уже во время осмотра комиссией места под постройку храма, собравшем 406 рублей и расположившем многих благотворителей к пожертвованиям на сие св. дело. При попечительстве была образована строительная комиссия. Попечительство занялось сбором денег, каковой помимо сего был учрежден и со всей епархии чрез о. благочинных. Епархиальным архитектором Злобиным был составлен план и смета на 25709 руб. 61 коп., не считая ограды, иконостаса и колоколов. Постройка была поручена по контракту, заключенному 22-го октября 1896 года, подрядчику Павлу Иванову Филатову. Общество калмыков Платовской станицы уступило, по настоянию Окружного сельского начальника г. Лапина, 1,5 десятины для устройства на ней кирпичного завода и разрешило подрядчику бесплатно пользоваться во всем юрте Платовской станицы, где будет удобно, камнем, песком и глиной во все время постройки.

Летом 1896 года архитектор епархиальный исследовал почву и разбил место под постройку церкви на дворцовом месте под № 122, в нескольких саженьях от Гремучего колодца к северо-западу от последнего. А освящение места было совершено благочинным, священником Говоровым 10 декабря того же года в присутствии 500 душ православных. На месте освящения впервые в калмыцкой земле был водружен Св. Крест. Закладка храма совершена была 11-го мая 1897 года в день памяти свв. Кирилла и

Мефодия, причем накануне закладки при участии 5 окольных священников, 2 диаконов и при пении учеников местной церковной школы в станице Платовской, учителем которой был миссионер Иона Левченко, совершено было всенощное бдение на месте закладки свв. Кириллу и Мефодию, а в день закладки – обедница, закладка храма и освящение воды у Гремучего колодца – с акафистом сим святым.

В закладке храма принимали участие помощник окружного начальника г. Козлов, местный заседатель П. Маслов и директор народных училищ А. А. Остроумов и даже заместитель бакши калмыков Кулешов положил один кирпич при закладке, в присутствии не менее 5000 православных, прибывших из соседних приходов, многих раскольников, гелюнов и служителей местного хурула и многих калмыков. Последние с особыми любопытством присматривались ко всему совершавшемуся. Так совершилось во славу Божию и в поучение язычников это духовное торжество. При Гремучем колодце дети русских, по неимению своей школы, по необходимости обучались в калмыцких училищах, которые могли иметь вредное влияние на них в религиозном отношении при отсутствии преподавания Закона Божия, и поэтому, как только комитетом были приобретены участки земли за № 103 и 104 с недостроенными на них домами, по распоряжению высокопреосвященного Афанасия, была открыта на средства епархиального училищного совета 14-го сентября 1896 года церковно-приходская школа, причем на приспособление здания было отпущено епархиальным училищным советом 600 рублей. Учителем был назначен миссионер – псаломщик Иона Левченко.

Так как это помещение для школы было тесное и неудобное, то, вместо него трудом и на средства, попечителем школы – местным торговым казаком Димитрием Иосифов. Мокрицким было построено на дворовом месте под № 121 из местного камня и крытое железом прекрасное здание, длиною 24 ар. и шириною 14 аршин, в 5 комнат высотой 4,5 аршина. Все здание стоило 3,000 рублей, из коих 459 руб. 13 коп. были из 600 руб., отпущенных епархиальным училищным советом и оставшихся неизрасходованными, а остальные 2,5 тысячи личные средства г. Мокрицкого. 25 октября 1897 года это здание было освящено. Постройка храма закончилась осенью 1898 года. Вся постройка храма, с церковной утварью, одеждой и покупкой у калмыков двух мест обошлась комитету около 36 тысяч, из них из сумм комитета употреблено 3,000 руб., а остальные 33 тысячи были собраны попечительством и благочинными епархии в качестве пожертвований. Купленные же у калмыков дома были приспособлены для причтовых помещений.

10-го июня 1899 года храм сей был торжественно освящен лично архиепископом Афанасием. Освящение этого первого в калмыцких степях храма привлекло много тысяч православных богомольцев и множество калмыков из всех калмыцких станиц и произвело на всех неизгладимое впечатление. У всех православных была радость, и калмыки, видимо, примирились с устройством так нежеланного им храма. Еще задолго до освящения храма многие приходили осмотреть храм, и после освящения не прекратились посещения и ныне нередко можно видеть, как калмык приходит в церковь и ставит свечку Св. Николаю Угоднику.

(В первой половине 1899 года, как мы уже говорили, к новоустроенной церкви был назначен причт из штатных священника и псаломщика и сверхштатного псаломщика в лице диакона Никандра Егорова, прослушавшего 2-х годовичные курсы при Казанской духовной академии и рукоположенного 14 мая 1899 года в священники к сей церкви, и двух воспитанников комитета Николая Абушинова, в качестве штатного псаломщика, и Александра Пудинова (с ноября 1899 года) в качестве сверхштатного. На этот причт были возложены и обязанности миссионерские. Но в 1903 году обязанности миссионерские были сняты с этого причта и он сделан приходским, каковым и остается доселе. Миссионерские же обязанности возложены на особое лицо, которое имеет свое пребывание в этом же месте и для которого в 1903–4 г. устроено на средства комитета, в сумме 2,000 рублей, оставшихся от постройки церкви, очень удобное и поместительное здание с надворными постройками). Миссионеру-священнику предоставлено право совершать богослужение в храме на одинаковых правах с приходским священником. Но такое положение дела нельзя назвать нормальным. И приходской священник и миссионер считают каждый себя хозяином церкви и на этой почве возможны крупные недоразумения, что крайне вредно для местного населения и роняет авторитет духовенства и веры в глазах местных калмыков, а потому в интересах миссии следовало бы упорядочить это дело, что можно сделать так: церковь считать (и она на самом деле таковая) исключительно миссионерской, при ней устроить миссионерский стан с назначением к нему двух священников, диакона и псаломщика и с возложением на них обязанностей, миссионерских, причем, чтобы миссионерские обязанности не терпели ущерба для причта, выработать особую инструкцию и назначить им добавочное пособие от комитета, которое выдавать им за действительно совершаемые поездки к калмыкам и за доказанное годовыми и полугодовыми отчетами деятельное проповедание Евангелия.

Неуспех евангельской проповеди среди калмыков и отсутствие желающих принять Св. Православную веру во многом зависит и от того, что желающие креститься не могут быть в будущем обеспечены, так как общества калмыцкие, к которым они приписаны, владея землею на общинном начале, отказывают им в пользовании землей, а православные станичные общества не принимают их в свою среду и таким образом новокрещенные должны оставаться положительно без всяких средств к существованию. Ввиду сего само собою возникал вопрос об отводе для новокрещенных из калмыков особого участка земли, где бы они могли свободно селиться и жить своею общиною, независимо от калмыков язычников. Миссионерский комитет прекрасно понимал затруднительное положение крещеных калмыков и уже в 70-х годах возбудил переписку с войсковым начальством об отводе для них особого участка земли.

Войсковое донское начальство первоначально очень сочувственно отнеслось к этому вопросу. Указом областного правления В. Д., от 14 декабря 1877 года за №1156, в местности под названием „Мокрая Эльмата», находящейся в 13–15 верстах от Гремучего колодца в станице Платовской, был отведен участок земли в 6953 десятины, под поселение крещеных калмыков. Так как долгое время крещеных калмыков не появлялось, то областное правление в 80-х годах разбило эту землю на участки № 1, 2, 3 и 4 и отдавало их в арендное содержание. Участок № 2 самый лучший, так как в достаточной мере снабжен водою и имеет сравнительно с другими участками лучшую землю для хлебопашества; комитет в 1894 году желал воспользоваться этим участком для поселения крещеных калмыков, которых, по собранным в епархиальном управлении сведениям, оказалось с 1888 по 1893 г. включительно в Донской епархии 66 человек (42 муж. и 24 женск. пола). Для этого комитет просил областное правление выделить участок № 2 для сказанной надобности, а вместе с тем ходатайствовал об отпуске потребной суммы денег из войскового капитала на первоначальное обзаведение принявших св. крещение калмыков, по примеру того, как это делается в соседней Ставропольской епархии, где на каждую новокрещенную семью калмыцкую губернское казначейство, отпускает по 100 руб., но не деньгами, а разными хозяйственными принадлежностями земледельческого быта, с устройством домика, что делает специально учрежденная при миссионерском комитете комиссия, и таким образом водворяет новокрещенного на новом месте совершенно на новых началах оседлого земледельческого быта. На представление комитета об отводе земли областное правление уведомило комитет, что вопрос об участке

земли № 2 оно не находит возможным рассмотреть в настоящее время (в октябре 1894 г.), так как сей участок, вместе с ближайшими, состоит в откупном содержании по 1 сентября 1896 года, и, в силу контракта, заключенного областным правлением с откупщиком оно, не может быть исключен из откупа ранее окончания срока аренды в 1896 году; по поводу же отпуска денег на новокрещенных калмыков просило комитет о доставлении ему сведений о количестве принявших св. крещение калмыков, что и было исполнено комитетом. Дальнейшие по сему предмету неоднократные и настойчивые ходатайства донского архиепископа, духовной консистории и миссионерского комитета пред войсковым начальством в конце концов были признаны при современных условиях землепользования неосуществимыми и все эти ходатайства отклонены как ввиду образовавшегося во многих казачьих станицах малоземелья, доходящего до 9 и 8 десятин душевного надела, тогда как у калмыков и теперь полагается около 34 дес. на душу, так и ввиду незначительного количества крещеных калмыков с 1871 по 1901 г. включительно – всего 197 душ обоего пола и о таком своем определении в 1905 г. было сообщено главным управлением казачьих войск для доклада военному совету. В октябре 1906 года главное управление казачьих войск просило заключения г. Обер-Прокурора Св. Синода по вопросу о необходимости отвода земли для поселения крещеных калмыков и г. Обер-Прокурор в декабре 1906 года просил заключения по этому вопросу от Донского епархиального начальства, которым и был представлен отзыв в положительном смысле. На этом вопрос об отводе участка земли так и закончился, – но оставлять данный вопрос в таком виде не в интересах миссионерского дела. Необходимо все меры предпринять, чтобы решить его в благоприятном смысле. Миссионеры не раз заявляли и ныне заявляют, что желающие креститься из калмыков есть, но дело редко доводится до конца, ввиду безвыходности новокрещенных калмыков, лишаемых обществом паевой земли и обреченных тем самым на голод и нужду»⁹.

Все вышесказанное дало основания Донскому м. комитету указать Каз. мис. съезду на следующие основные причины слабого проникновения христианства в среду донских калмыков.

а) Среди калмыцких станиц с течением времени образовалось несколько русских поселений, из коих составились целые приходы с церквями. Так образовались приходы: в станице Платовской и станице Денисовой, на Каменной балке и на реках Гашун и Куберле. Следовало бы ожидать, что русские люди в этих приходах, как более культурный народ,

должны постепенно обрусить калмыков. Так бы и было, если бы русские стояли на высоте своего положения, исполняли закон Христов и жили по христиански, занимаясь хлебопашеством и сельским хозяйством. Такая жизнь русских благотворно бы влияла на калмыков и обрусение их пошло бы быстрыми шагами, а вслед за ним в сознании калмыков, сама собою невольно являлась бы мысль переменить свою веру на христианскую. Но несчастье в том, что русские люди не находятся на высоте своего положения. Всех русских, проживающих на калмыцких землях, можно разделить на две категории на лиц, живущих земледелием и ремеслами, и на лиц, ведущих праздный образ жизни и живущих на темные средства. Первые – кочевой народ, крайне бедный, и, селясь на арендуемых на года у калмыков усадебных местах, с первого же шага становятся в материальную зависимость от калмыков, а это вызывает у последних невыгодное мнение о русских.

Так как юртовая земля у калмыков находится в общинном владении, то они разрешают иногородним пользоваться землей с половинной части урожая, но сделки при этом случае, обыкновенно, никогда не оформленные, ведут к беспрестанным спорам и обманам с обеих сторон. Это обстоятельство настраивает калмыков враждебно против русских и эта неприязнь переносится иногда и на веру русских. Миссионерам приходилось слушать такие замечания: „как же говорите, что ваш Бог велит вам любить друг друга и всех людей и никогда не обижать, а такой-то обманул меня, да еще и других». Русские же другой категории приобрели себе еще более невыгодное мнение в глазах калмыков: они не занимаются никаким определенным трудом, а между тем живут в селе не нуждаясь и даже лучше других трудящихся. Воровство, леность, разврат царят среди таких поселенцев. Притом все эти русские, в большинстве, народ кочевой – живут в станицах месяц, два, полгода, год, два, и затем переселяются в другие места. На место их приходят другие, не лучше, если не хуже, прежних.

Такой состав русского населения замедляет желательное обрусение калмыков и переход их в христианство, и, пока он не изменится, успеха ожидать трудно. Тяготение калмыков ко всему русскому, и в частности к православию, хотя в отдельных случаях и замечается, но вышеупомянутые неблагоприятные обстоятельства не дают возможности развиваться этому стремлению в надлежащей мере.

б) Случаи обращения в православие калмыков были. С 1871 по 1901 г. таких случаев зарегистрировано 197.

Бывшие противокалмыцкие миссионеры, священники Егоров и

Чеминов, свидетельствовали, что к ним неоднократно обращались отдельные калмыки с просьбой окрестить, но многие из них не доводили до конца этого дела – когда ставили вопрос: „а что будет с нами, когда мы крестимся, и на что мы будем жить».

На поставленный вопрос, говорили миссионеры, трудно было отвечать, ибо если после крещения отпустить их к родителям, то они будут христианами только по имени, а по жизни будут те же язычники, отделить же их от язычников и помочь им сделаться хозяевами, похожими на русских православных, нет средств. Посему одним из главных препятствий к распространению православия среди калмыков служит неопределенность положения новокрещенных, боязнь обид со стороны некрещеных сородичей и языческих властей – духовенства. Юртовая земля в калмыцких станицах неделимая и пользоваться ею может каждый калмык, но на деле богатые в этом отношении обижают бедных, а крещеным они и вообще не дают земли, что было, например, с братом псаломщика Абушинова Василием, сторожем в Платовской церковной школе. Крещен он в 1898 г., но ни к какой русской станице не приписан, а Кутейниковская станица, к которой он принадлежал до крещения, отказала ему в земле, почему он и оказался безземельным. И таких случаев о. Чеминов знает 5, бывших в его практике. Такое положение останавливает многих калмыков от крещения и пока не будет найдена возможность отделять крещеных калмыков от некрещеных и наделять их землей и необходимым пособием от казны на заведение хозяйства, по русскому образцу, трудно надеяться на успех миссионерского дела среди калмыков.

в) В религиозном отношении Донские калмыки невежественны. Своей религии они почти не знают, сведя ее к механическому исполнению обрядовой стороны. Духовенство калмыцкое немногим выше стоит простецов (хара). Знания его сводятся к умению совершать требы и обряды на Тибетском языке, выученном с малолетства механическим путем. Что касается полного, точного и сознательного понимания своей религии, то таким знанием из всего существующего сонма гелюнов в Сальском округе отличаются один-два гелюна, не более, да еще бакша калмыков Бараманжиков, человек, по свидетельству всех его знающих, очень развитой и начитанный. Калмыцкое духовенство, будучи невежественно, и своих пасомых держит в невежестве и тьме, беспомощно эксплуатируя его. Отсюда понятно и его нетерпимое отношение к крещеным калмыкам. Сильного и явного фанатизма они не проявляют, но, несомненно, скрыто ведут сильную борьбу против христианства. Бакша же калмыков, кроме

того, стремится объединить их на почве религии и национализма. А так как в глазах каждого инородца вера и национальность неотделимы, то понятно и противодействие православной проповеди со стороны бакши, стоящего на страже национальных интересов калмыков, и вместе религиозных. Христианство для него враг, подрывающий его собственное благополучие. Потому большой неуспех Евангельской проповеди среди Донских калмыков надо видеть в противодействии, хотя бы и скрытом, со стороны ламайского духовенства вообще, и главы его, бакши, в частности. Здесь же следует отметить и еще одно важное наблюдение оо. миссионеров: большим фанатизмом и нетерпимостью к православной вере, кроме ламайского духовенства, отличаются калмыки более или менее образованные, обучавшиеся в окружных училищах или юнкерском училище¹⁰.

Примечание. Представленный очерк исторического прошлого и настоящего состояния миссионерского дела среди калмыков не чужд некоторым повторениям, особенно в последних заключительных страницах, и шероховатости слога. Это объясняется преимущественно тем, что мы непосредственно пользовались сырыми материалами съезда, считая их дающими наиболее ценные сведения, как основанные на фактах, наблюдаемых в местах жительства инородцев.

Мероприятия Казанского съезда к улучшению миссионерского дела среди донских калмыков

Казанский миссионерский съезд, обсуждая мероприятия к улучшению миссионерского дела среди донских калмыков вместе с калмыками астраханскими и ставропольскими, обратил свое внимание прежде всего на самую организацию миссионерского дела, на вопросы, касающиеся заведывания миссией и управления ею. В отношении донской миссии он обратил внимание на то, что во главе ее нет лиц, которые бы имели высшее специальное наблюдение за ходом миссионерского дела и руководили им. В силу этого руководить миссионерским делом приходится местному епископу, обремененному массой других дел по управлению обширной епархией. Свое руководство миссионерским делом местный епископ осуществляет через миссионерский комитет, который также далеко не всегда может иметь в среде своих членов людей, знающих миссионерское дело и тем более близко стоящих к нему. На желательность особого руководителя для миссионерского дела указал и сам донской архиепископ Владимир, поручив командированным им на съезд лицам указать на нужду для Донской епархии во втором викарии, „который мог бы всецело, и исключительно встать во главе миссий противосектантской, противораскольнической, противоламайской и посвятить себя исключительно этому делу“¹¹.

Обсудив положение православной миссии среди донских калмыков, противоламайская секция казанского миссионерского съезда сделала следующее постановление. „Первым миссионером епархии является епархиальный архиерей. Но за множеством разносторонних епархиальных дел ему нет времени всецело посвящать себя миссионерской деятельности, каковая осуществляется через миссионеров, требующих руководственного надзора, архипастырского указания и содействия. А потому для епархиального преосвященного в епархиях с иноверческим и инородческим населением требуется помощник, который бы мог заведывать миссионерскими делами в епархии, пользуясь указаниями своего епархиального преосвященного. Отсюда является насущная и неотложная потребность учреждения кафедры викария в епархиях Астраханской и Донской, заведующего как внутренней, так и внешней миссией.

Для Донской епархии, не имеющей мужских монастырей с достаточными средствами для содержания викария, возможно учреждение

второго викариатства при условии присоединения к Донской епархии городов Ростова

и Таганрога с частью их округов, входящих в состав Екатеринославской епархии, а в гражданском отношении входящих в Область Войска Донского. На указанных основаниях отдел секции постановил ходатайствовать пред Св. Синодом об открытии второго викариатства в Донской епархии с назначением на эту кафедру лиц преимущественно миссионерского образования¹². Данное постановление было принято общим собранием съезда¹³.

Организация миссионерских комитетов, заведующих миссионерским делом в епархиях, противоламайской секцией была признана в общем достаточной, но для усиления продуктивности их миссионерской деятельности были высказаны пожелания: – чтобы в число членов местных миссионерских комитетов были включаемы местные миссионерские деятели и вообще лица, получившие специальное миссионерское образование. Обычно в епархиях, рассуждала секция, бывает весьма мало лиц специального миссионерского образования, но число таких лиц легко и без всяких материальных затрат можно увеличить чрез назначение в трактуемые епархии в семинарии и духовные училища окончивших миссионерское отделение при Казанской духовной академии, каковые лица, состоя обязательными членами комитета, могут содействовать миссии чрез участие в переводческих комиссиях, обозрении школьного дела в инородческих школах. Ввиду этого секция постановила, что было принято и общим собранием. 1) Усилить состав миссионерских комитетов лицами, прикосновенными к миссионерскому делу, а также получившими специальное миссионерское образование. 2) Ходатайствовать пред Св. Синодом, чтобы учебный комитет (при Св. Синоде) на преподавательские должности в семинарии и духовные училища определял лиц, окончивших миссионерское отделение Казанской духовной академии не менее 4–5 в епархию: – в Астраханскую и Ставропольскую с противобуддийского и противомагометанского отделов, а в Донскую епархию исключительно с противобуддийского отдела. 3) Ходатайствовать пред православным миссионерским обществом, чтобы преподаватели духовных семинарий и училищ со специальным миссионерским образованием считались непременно членами миссионерских комитетов¹⁴.

Таким образом, Донская миссия среди калмыков должна получить специального по мероприятиям Каз. мис. съезда высшего начальника, усиленный, более продуктивный к миссионерской деятельности миссионерский комитет и большее количество в епархию лиц, научно

знакомых с миссионерским делом во всех отраслях его развития.

Кроме хорошо оборудованной организации управления, заведывания и руководства миссионерским делом, миссия нуждается также в хорошо подготовленных к своему делу миссионерах. Вопрос о подготовке для Донской епархии лиц, могущих заниматься просвещением калмыков, был разрешен мис. съездом следующим образом: „В целях приготовления на места миссионеров, знающих калмыцкий язык, Съезд признал необходимым ходатайствовать пред Св. Синодом об учреждении в Донской духовной семинарии штатной кафедры калмыцкого языка и миссионерских предметов (история распространения христианства среди калмыков, ламаизм и его обличение) с полным штатным содержанием и обязательным обучением сим предметам всех воспитанников семинарии вместо латинского языка»¹⁵.

Миссионерский съезд в Казани, признавая неотложную нужду в специальном миссионерском образовании¹⁶, указал также на готовый рассадник миссионеров, – Казанские миссионерские курсы, получившие образование на которых лица весьма желательны к занятию как миссионерских станов, так и приходов с инородческим населением. Он постановил: „Просить преосвященных архипастырей Астраханской, Ставропольской и Донской епархий назначать в приходы, как и в станы, соприкасающиеся с калмыцкими поселениями, лиц, получивших образование на миссионерских курсах¹⁷. Просить Донское епархиальное начальство назначить в приходы, расположенные в калмыцких владениях, лиц со специальным миссионерским образованием (кончивших Казанские миссионерские курсы»)¹⁸.

Что касается улучшения настоящих условий миссионерского дела в Донской епархии, то миссионерский съезд принял следующие мероприятия, предложенные Донским миссионерским комитетом: а) миссионерский стан оставить в Платовской станице, где имеется выстроенный на собранный миссионерским комитетом средства прекрасный, поместительный и благолепный храм и при нем причтовые дома, прекрасная церковная приходская школа, состоящая в ведении епархиального училищного совета, и дом для миссионера. Храм этот должен быть в ведении и заведывании миссионера, как настоятеля его, приходской же священник, проживающий в Платовской станице, должен считаться на положении второго священника. Миссионеру, по возможности в сане иеромонаха, необходимо положить жалованье 2000 р. в год, при нем должен быть помощник, с жалованьем в 600 р.: для обоих необходимо исходатайствовать у войскового начальника права на

бесплатные разъезды по калмыцким селениям. При стане необходимо учредить приют для

калмыцких мальчиков на 10 человек с отпуском из сумм комитета на содержание каждого из них по 120 руб. или 1200 руб. в год на всех, на содержание дома и сторожа 600 руб. Здание для приюта необходимо выстроить особое, на что потребуется не более 2,5 тысяч руб. Обучаться дети приюта могут совместно с русскими в Платовской церковной школе. Всего на образование миссии в проектируемом виде потребуется 4400 руб. в год, да единовременно на постройку здания для приюта 2500 руб. Ныне отпускается миссионеру 1200 руб. в год. Значит, расходы комитета увеличатся на 3200 руб.

б) Необходимо просить Донское епархиальное начальство обратить особое внимание на печальное состояние приходов, расположенных в калмыцких владениях, и принять меры к возвышению религиозно-нравственной жизни в составе местного населения путем усиления пастырской проповеди, распространения религиозно-нравственных листов, учреждения общества трезвости и организации приходских благотворительных учреждений.

в) В видах удаления неблагонадежного элемента из калмыцких владений необходимо возбудить ходатайство пред войсковым начальником о возобновлении существовавшего в 70-х годах прошлого столетия проекта заселения калмыцких станиц не бродячим элементом, как это делается ныне, а постоянными жителями и по преимуществу из казаков, семей по 40–50 на каждую станицу и с устройением для них церквей.

г) Ввиду того, что в калмыцких окружных, приходских и сельских училищах обучаются и дети русских поселенцев, просить дирекцию народных училищ ввести в таковых училищах преподавание Закона Божия, под наблюдением местного наблюдателя церковных школ, и учителями в калмыцкие училища назначать по преимуществу лиц, обучавшихся в духовно-учебных заведениях, и особо расположенных в религиозно-нравственном отношении.

д) Ввиду нового закона о разрешении отдельным членам сельских обществ, если они пожелают, выходить из состава общества на отруб с целью заведения самостоятельных хозяйств, вновь возбудить ходатайство пред войсковым начальством о выделении из земель калмыцких особого участка земли для поселения на нем новообращенных калмыков и с передачей этого участка земли в распоряжение миссионерского комитета. Участок этот желательно получить вблизи Платовской станицы.

По обмену мнениями постановили: пункт а) принять с возбуждением ходатайства пред православным миссионерским обществом об отпуске испрашиваемых Донским миссионерским комитетом 4400 руб. «ежегодно и 2500 руб. единовременно на постройку здания для приюта. Пункт б) принять с добавлением к нему – просить Донское епархиальное начальство назначит в приходы, расположенные в калмыцких владениях, лиц с специальным миссионерским образованием (кончивших Казанские миссионерские курсы). Пункт в) принять с возбуждением ходатайства чрез Св. Правительствующий Синод пред военным министром. Пункт г) принять. Пункт д) принять с добавлением – возбудить надлежащее ходатайство по содержанию сего пункта, чрез Св. Синод, пред военным министром»¹⁹.

Приняв меры к обеспечению жизни миссионеров, Съезд сделал несколько постановлений, побуждающих миссионеров к деятельности и как бы несколько контролирующих их. Он признал необходимым просить миссионерские комитеты организовать в противоламайской миссии методическую катехизацию и проповедь с подробным отчетом о ее ведении²⁰, а также ввести для миссионеров походные журналы для записывания в них сведений как о их поездках по степям, так и о содержании бесед, веденных ими²¹.

Чтобы дать возможность принявшим крещение калмыкам удобнее переходить к оседлому образу жизни, миссионерский съезд просил Св. Синод возбудить вопрос пред военным министром для Донской епархии о необходимости вспомоществования из калмыцкого капитала принимающим крещение для первоначального обзаведения необходимыми орудиями земледелия в количестве 50 руб. на человека бессемейного, а на семейного 100 руб., согласно Высочайше утвержденного в 1891 г. положения о Князь-Михаиловском стане, Ставропольской епархии²².

Стремясь к улучшению условий миссионерской деятельности среди донских калмыков, съезд не мог не обратить своего внимания на вредное влияние калмыцкого духовенства на дело миссии. В этом отношении в суждениях секции противоламайской констатировались факты постоянного увеличения ламайского духовенства вопреки существующим о том узаконениям, существование так называемого сверхштатного духовенства, не вызываемого необходимостью. Миссионерский съезд нашел нужным чрез Св. Синод довести до сведения министерства внутренних дел о подобном ненормальном положении вещей²³.

Сверх всех указанных вопросов съезду пришлось еще коснуться вопроса о так наз. Гремучем колодце, находящемся вблизи Платовской

станции, весьма почитаемом как русскими, так и калмыками, но принадлежащем калмыкам. На съезд возник вопрос об изъятии его из владения калмыков, как колодца, по преданию якобы вырытого Св. Кириллом и Мефодием. Но ввиду разногласий, происшедших на съезде при обсуждении этого вопроса, а также ввиду неполноты сведений, необходимых для решения вопроса, съезд постановил все относящееся к сему делу и имеющиеся в распоряжении съезда материалы передать на благоволение Св. Синода²⁴.

Признав все указанные мероприятия крайне нужными и неотложными для улучшения миссионерского дела среди донских калмыков, съезд отлично сознавал, что подобных мероприятий далеко еще недостаточно для того, чтобы надеяться на широкое развитие и успех миссионерского дела среди калмыков. Ведь в самом деле, в миссии на 32 тысячи донских калмыков имеется всего только один миссионер с псаломщиком. Что может он многого сделать на такую массу инородческого населения. Безусловно, при имеющихся столь малых силах большая часть донских калмыцких степей должна остаться без слышания Слова Божия. Очевидно, нужно какое-нибудь более радикальное средство для улучшения миссионерской деятельности среди донских калмыков, которое бы могло дать миссии гораздо большее число благовестников, чем имеется ныне, и которое дало бы возможность миссии широко раскинуть свои миссионерские действия. Подобным средством, по мнению съезда, для противоламайской миссии должен явиться миссионерский монастырь, основанный в центре калмыцких кочевьев. Ввиду того, что национальное калмыцкое благочестие есть благочестие типа монашеского с неженатым духовенством, с обетами, хурулами, близко напоминающими наши православные монастыри, то путь распространения среди калмыков христианства через православные монастыри должен явиться в высшей степени целесообразным, вполне подходящим к их национальным вкусам и потому могущим дать благотворные результаты.

С другой стороны, хорошо оборудованный миссионерский монастырь может легко дать то нужное и вполне достаточное для донских калмыков количество и катехизаторов-миссионеров, которого там нет теперь и которое весьма трудно создать.

Касательно данного вопроса миссионерский съезд вынес следующее постановление: для Донской епархии желательно учреждение миссионерского противоламайского мужского общежительного монастыря, но в настоящее время, по заявлению лиц, командированных на съезд от Донской епархии, осуществить эту мысль чрез учреждение

монастыря в калмыцких степях не представляется возможным, по неимению земли, средств, достаточного количества крещеных калмыков. Но в целях миссионерских возможно и желательно просить Донское епархиальное начальство вновь создаваемый братья-ми Филь на свои средства монастырь на балке Цикурке в Ростовском округе обратить в миссионерский противоламайский монастырь, и во главе его поставить лицо со специальным миссионерским образованием, или, в крайнем случае, включить в задачи этого с миссионерской целью (против сектантов и раскольников) устраиваемого монастыря и борьбу против ламаитов²⁵.

В организации миссионерского монастыря, как центрального пункта миссии, мы полагаем спасение дела миссии вообще. Мы видели, сколько лет существует миссия среди донских калмыков и как ничтожны ее собственно миссионерские успехи. Еще более долгое время существует миссия среди астраханских калмыков, и также имеет ничтожные плоды своей деятельности. Мы представляем себе миссионерский монастырь в центре калмыцких кочевьев с достаточным количеством инокующей братии, желающей миссионерского подвига и трудов проповеди христианства. Эта инокующая братия по указанию настоятеля монастыря расходится в разные стороны с проповедью веры, она же занимается оглашением и подготовлением к крещению.

Если бы образовалось нечто в виде цельного поселения из крещеных калмыков, пусть туда назначают приходского пастыря-миссионера, ибо там нужно уже не приведение ко Христу, но воспитание и утверждение приведенных, которое удобно может быть совершаемо приходским пастырем-миссионером, как не требующее от него продолжительных разъездов и отлучек из очага семьи. Но когда дело касается проповеди веры некрещеным, когда требуется постоянная кочевая жизнь, тогда нужны и подходящие миссионеры, не связанные узами семьи, не имеющие нужды быть при очаге семьи. Обычно древняя Русь миссионерствовала через иночествующую братию. Иноки, или сами, уходя в отдаленные места для подвижнической жизни, встречались там с инородческими племенами, проповедовали им христианскую веру и приводили их в послушание Христу. Или сама верховная церковная власть направляла дружину иноков к инородческим племенами, которые строили среди инородцев монастыри, проповедовали среди инородцев православную веру и приучали крещеных к оседлости. Когда подобная иноческая дружина являлась среди инородческих племен, то, будучи в более или менее значительном числе, она сразу могла широко раскидывать свое миссионерское дело и более или менее прочно организовывать его. Затем,

когда иноки привлекали к крещению достаточное количество инородцев, продолжателями их миссионерского дела являлись приходские пастыри, селившиеся среди крещеных, уже оседло живущих, и утверждали инородцев в христианской жизни. Таковы были например миссии, посылаемые в Камчатку, в Даурию, к калмыкам (Никодима Ленкевича) и друг. в 17–18 ст. В сравнительно

позднейшее время, преимущественно со времени оживления миссионерской деятельности в 19 ст. после открытия Православного Миссионерского Общества, миссионерское дело среди инородцев начинает вестись преимущественно путем открытия миссионерских станов-приходов. В начале организации миссионерского дела среди той или иной группы инородцев обычно посылались к ним миссионеры и когда миссионерам удавалось привлечь некоторое количество инородцев к крещению, среди них основывался миссионерский стан. Так, напр. организовывалось миссионерское дело в Забайкалье при пр. Вениамине, так же оно в сущности организовалось и в калмыцкой степи Астраханской губ. С течением времени количество миссионерских станов увеличивалось, в станах возрастало население, часто увеличивающееся притоком русского элемента, пастырям-миссионерам приходилось уделять большую часть времени населению стана, тем более, что при станах стали открываться школы, в которых пастырь обучал детей. Вследствие этого на проповедь веры среди некрещеных оставалось все меньше и меньше времени, и чем более развивалась жизнь в миссионерских станах, тем более пастырь-миссионер оказывался привязанным к стану, волей-неволей становясь вместо пастыря-миссионера пастырем приходским. Этим мы объясняем то, что, например, в Астраханских калмыцких степях, несмотря на существование миссионерских станов и миссионеров при них, калмыцкая степь совсем почти не слышит проповеди веры Христовой, и, безусловно, не услышит ее до тех пор, пока не будут организованы специальные миссионеры, призванные только благовествовать.

Мы твердо убеждены, что в тех местах, где масса инородческая еще не крещена, где дело миссии как бы еще только в начале, там необходимо должны существовать не миссионеры, связанные с приходом, а миссионеры совершенно свободные от всяких других занятий, кроме проповеди веры.

Донская миссия думает иметь действительно совершенно свободного миссионера, так как для исполнения приходских нужд при Платовской станции имеется особый пастырь, но, как мы уже говорили, она выставляет

слишком слабую миссионерскую силу, давая 32-х тысячному населению калмыков, имеющему прочно организованный класс национального ламайского духовенства, всего только одного миссионера с псаломщиком. Вот почему мы снова повторяем, что в настоящее время организация миссионерского монастыря в центре калмыцких кочевьев является в высшей степени благопотребным делом, чтобы поднять на надлежащую высоту и достаточную степень продуктивной деятельности православную миссию среди донских калмыков.

Примечания

- ¹ - Рукоп. Библ. Тюменя.
- ² - Маслакавец. Труды Обл. Войска Донского. Стат. Ком. вып. II. 1874 г. Статистическое описание кочевья донских калмыков
- ³ - Оттуда же.
- ⁴ - Материалы Донского Миссионерского Комитета стр. 11–14.
- ⁵ - А. Мин Ин. Д. Д. 1698 г. № 5.
- ⁶ - А. М. И. Д. 1728, ян. 9. № 19.
- ⁷ - Маслакавец.
- ⁸ - Материалы Донского м. комитета, стр. 19–28.
- ⁹ - Материалы Дон. Мис. Ком., стр. 28–30.
- ¹⁰ - Матер, Дон. м. ком., стр. 31–44
- ¹¹ - См. Мис. Съезд в Казани, стр.153–156
- ¹² - Протокол 6, стр. 97–8.
- ¹³ - Журнал 5, стр. 55.
- ¹⁴ - Протокол 5, стр. 95. Журнал общ. собр. 5, стр. 55.
- ¹⁵ - Протоколы лам. отд. 6, стр. 99. Журн. общ. собр. 5, стр. 55.
- ¹⁶ - Ibidem–1, стр. 63.
- ¹⁷ - Ibidem–6, стр. 102. Общ. собр. 5, 55 стр.
- ¹⁸ - Ibidem–7, стр. 104. Общ. собр. 5, 55 стр.
- ¹⁹ - Протокол 7, стр. 104.
- ²⁰ - Журнал Общ. собр. 5, стр. 55.
- ²¹ - Протокол 7, стр. 105.
- ²² - Протокол 6, стр. 101–102.
- ²³ - Журнал Общ. соб. 2, стр. 18.
- ²⁴ - Журнал Общ. соб. 5, стр. 55.
- ²⁵ - Протоколы–6, стр. 100.

Содержание

Донские калмыки и история их христианского просвещения по трудам Казанского миссионерского съезда священномученик Гурий (Степанов)	1
Мероприятия Казанского съезда к улучшению миссионерского дела среди донских калмыков	34
Примечания	43